

ФИЛОСОФСТВУЯ О ЗАПРЕДЕЛЬНОМ

(Рецензия на кн.: *Варава В. В.* Этика неприятия смерти. – Воронеж :
Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005)

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

В 2010 году в издательстве «Логос» (Белград) вышел сербский перевод известной среди специалистов по русской философии монографии «Этика неприятия смерти», изданной издательством Воронежского государственного университета. Ее автор, профессор кафедры культурологии ВГУ Владимир Владимирович Варава, является одним из немногих современных русских философов, стремящихся к реальному синтезу Истины, Добра и Красоты и воплощающих этот синтез в своих чрезвычайно содержательных, ярких и захватывающих трудах.

Для автора эта монография ознаменовала собой завершение весьма важного этапа собственных философских разработок, центрированных вокруг наиболее жгучих проблем современности вкупе с вечными, «проклятыми» вопросами духовного бытия человека. Неслучайно эта работа, положенная автором в основу успешно защищенной докторской диссертации, вызвала и продолжает вызывать познавательный интерес, желание подражать изящнейшему стилю автора и одновременно некоторое волнение, даже робость от соприкосновения с завораживающими глубинами философской мысли.

Несколько слов следует сказать и о сербском издательстве «Логос». Оно возникло буквально по воле единственного, но зато по-настоящему увлеченного человека – Владимира Меденицы, писателя, философа, автора проекта «Русские богоискатели». Данный проект представляет собой грандиозный замысел по переводу на сербский язык классических и наиболее интересных современных трудов русских авторов (изданы работы Ф. Достоевского, В. Соловьёва, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Фёдорова, В. Розанова, Д. Мережковского, Л. Шестова, Н. А. Бердяева и др.). К настоящему времени издано около 120 томов – совершенно невероятное количество! Полагаем, работа В. В. Варавы занимает по праву свое место в этой веренице сокровищ философской мысли.

Монографию «Этика неприятия смерти» можно и нужно рассматривать в двух проекциях: как культурологический факт или форму культуuroобразующей деятельности и как уникальный исследовательский опыт, проникнутый индивидуальностью автора, личной заинтересованностью в философском выпрашивании у бытия его извечных, неиссякаемых

тайн. Если говорить о событии общекультурного масштаба, то здесь всё очевидно: работа В. В. Варавы воспринимается как закономерное продолжение (или тематический перекресток) двух великих и давних традиций философствования – византийской и славянской (прежде всего, конечно, русской). Трагизм, тоска по запредельному, интуиция трансцендентного, воля к преобразению личности в Лик, понимание смертности как ущербности индивидуума – всё это легко отыскать в работе. Но традиционность, с позиции которой автор задает вопросы, не отменяет и не подменяет собой тех уникальных открытий, проследить зарождение которых приглашает нас мыслитель. И здесь, в процессе наблюдения внутренней творческой лаборатории автора, мы вдруг со всей отчетливостью понимаем: философия, укорененная в «почве» народного самосознания, в его нравственном мироощущении, есть самая подлинная, самая правдивая мысль, ибо мысль эта строго монистичная. Она – об одном: как возможна смерть, если есть Бытие? Поистине кантовский вопрос, не меньше. Кажется, стоит понять, каков ответ автора на этот вызов.

Во введении автор подчеркивает методологическую недостаточность традиционных понятийных ракурсов анализа смерти как предметной структуры. С этим следует согласиться, ведь сплошной апофатизм, невозможность содержательного философского (не биологического!) высказывания о смерти лишь свидетельствуют о нетривиальности изучаемого феномена, о том, что необходимо разрабатывать совершенно новый метод познания (если, конечно, сохраняется установка на продвижение к неизвестному, новому). Следует сказать, что В. В. Варава с данной сверхзадачей справился блестяще: им действительно выработан и применен новый, синтетический метод, который условно можно назвать диалектикой этического трансцендирования. Уже в самом начале работы проводится представление о смерти как таком отдельном элементе целого, который дает смысл этому целому и одновременно обретает в этом целом новое уникальное значение. Логика исследования имеет своим истоком позитивную критику натурализма, критику, через которую происходит «снятие» исходных позиций и возвышение философских понятий до их окончательного очеловечивания, одухотворения. Так, к примеру, становление само по себе, как утверждает автор, бессмысленно, тогда как в традиционной онтологии не имеет смысла как раз приписывать становлению такого рода качества или их отсутствие. Или же гносеологическое игнорирование проблемы смерти трактуется в работе как страх вечной жизни. Что и говорить – смелый, оригинальный синтез! По всему тексту можно встретить такие нестандартные «оборачивания» обыденного мышления, намеренно заостренные, усиливающие основные сюжетные линии (так, смертный есть, по мнению автора, ловушка для смерти, тогда как повседневная интерпретация этого соотношения прямо противоположная).

В первой главе речь идет об онтологии смерти. Автор верно указывает на то, что совместимость бытия и смерти не есть теоретико-познавательная (читай: поверхностная) проблема. В рационалистической традиции смерть не субстанциональна, а функциональна (являет собой смену форм

и не более того). Следовательно, необходим некий «поворот» – субстанциализация смерти, исследование ее как фундаментального атрибута бытия, но атрибута недолжного, в некотором смысле – лишнего. Впрочем, автор предпочитает говорить о смерти как модусе тварности или необытийной потенции в мире, что, по нашему мнению, вполне корректно и справедливо. Длещее состояние «благоговейного неведения» человека о самом себе органически дополняется здесь не претендующей на последний ответ рефлексией над таким способом восприятия бытия, который есть трагедия. Автор неоднократно высказывает утверждение: полноценно мыслить о бытии и не страдать при этом невозможно. А страдание в свою очередь предполагает некий выбор, онтологию поступка. Смерть как недолжный феномен может быть преодолена только посредством причастности к вечной жизни, к ее источнику, к Жизни *par excellence*. Хаотичность, болезненность наличного существования может и должна быть исправлена – вот основная мысль первой главы. Автор подчеркивает: абсурдно постигать бытие не-сущего и быть при этом дистанцированным от него. Вовлеченность в процесс распада и гибели – вот что в конечном счете фундирует пробуждение совести (отметим: это несубъектная характеристика), вот что ведет наличное бытие от сущего к подлинному должному. Небытие, замечает В. В. Варава, спасает и личность, разум, и само бытие, не дает ему разрастись в абсурдную бесконечность.

Вторая глава работы посвящена гносеологии смерти – не вопросу, не проблеме, а самой настоящей тайне. Чтобы всерьез говорить о познании, надо быть уверенным в нравственной добротности познающего – так предваряет автор свои дальнейшие рассуждения. И тут с ним невозможно не согласиться, более того, предельно рациональная форма познания – наука – лишь в последние десятилетия подошла к проблеме собственного этоса, а русская философия и художественная литература давно уже без устали кричат об этом. Кстати, как полагает автор, язык художественной формы – единственно адекватное средство для отражения всей антиномичности опыта умирания (смерть, к примеру, представляет собой законное беззаконие, личную безличность и т.п.). Сознание эмпирической конечности есть в сущности безъязычие, бессилие логики, отчаяние. Нет и быть не может в рациональной традиции мысли системы категорий, схватывающих этот тотальный ужас. Единственное, что в силах сделать разум – осознав собственные границы, разомкнуться в мир образов, метафор, радикального непонимания и сопротивления (что и иллюстрирует автор – весьма удачно – текстами Платонова, Чехова, Леонида Андреева). Отдельно следует сказать о философском анализе детского отношения к смерти. Здесь автор, опять-таки опираясь на литературное наследие и собственные наблюдения, делает нетривиальный вывод: детский опыт есть опыт радикального неприятия (незнания) смерти, а потому он для нас не только чудесен, но и парадигмален («если ... не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное»).

В третьей главе исследуется аксиология смерти. Автор показывает, что непонимание феномена смерти ведет к обесмысливанию жизни (очеред-

ной глубокий парадокс). Поскольку к небытию привыкнуть невозможно, смерть обладает особенной, не внутренней, а внешней значимостью. В главе исследуется сложная взаимосвязь смерти как блага и смерти как зла. Их диалектическая взаимосвязь такова, что, с одной стороны, смерть всегда воспринимается как нечто иноприродное бытию человека, как недолжное, с другой же стороны, недолжность и ущербность самого бытия обрывается (не завершается) умиранием. С этой точки зрения смерть есть безусловное благо, поскольку не позволяет вечно сохраняться поврежденной природе человека. Таким образом, катастрофичность экзистенциального переживания гибели не лишена определенных (и очень важных!) моральных коннотаций. Точнее, по словам автора, смысл жизни либо стяжается подвигом, либо даруется благодатью. Легко увидеть, что эта дихотомия обращена все же в сторону вечной жизни, а не натуралистического (или пантеистического) растворения человека в «веществе природы» или общества.

Четвертая глава, посвященная деонтологии смерти, разделена на две относительно самостоятельные части. В первой части автор исследует философию Николая Фёдорова, его проект «общего дела». В. В. Варава отмечает, что философия Фёдорова есть единственный сотериологический замысел в русской философии, в котором выражен абсолютный нравственный идеал и дано обоснование нравственному смыслу жизни человека как неприятию и преодолению смерти. Неприятие смерти можно считать наиболее глубинным, первичным проявлением нравственности, это – антропологическая константа. Далее автор, вслед за самим Фёдоровым, проводит тончайший анализ души смертного человека, дабы выявить, каковы же те всеобщие антиценности, что необходимо преодолеть (к таковым относятся бесцельность существования, взаимное истребление и т.п.). Следует согласиться с автором в том, что учение Фёдорова представляет собой уникальный философско-практический замысел интегрального существования человечества, придающий смысл жизни каждой личности.

Во второй части главы рассматривается нравственная сотериология Андрея Платонова. Вначале автор обозначает те фундаментальные смыслы платоновской прозы, которые выводят писателя на уровень наиболее важных аксиологических проблем (изначально трагический взгляд на мироздание, осознание болезни бытия, тотальное отчуждение людей и пр.). Справедливо подмечено, что Платонов, обнажая тайные места человеческого «я», как бы принудительно поворачивает своих героев к невозможному, к немыслимому в обычной повседневности ужасу от наличия в человеке «вещества смерти». Становление, по Платонову, есть проклятие, ибо оно ведет к тотальному распаду. Автору, как представляется, удалось обосновать и детально конкретизировать общий тезис: русская художественная литература так же, как и философия, более всего обращает внимание на антропологически дефектного человека, попавшего в западню смерти. Боль существования сквозит у Платонова (и вместе с ним – у автора) почти из каждой цитаты. Резюмируя последнюю

главу, В. В. Варава отмечает, что глубочайшая личная задетость фактом абсурдного уничтожения жизни делает Платонова (равно как и любого другого истинно русского писателя) причастным к контексту этических, философских вопросов.

Следует также обратить внимание на особенности авторского стиля. Первое, что сразу же бросается в глаза – удивительные мыслеобразы, как бы в сжатом виде хранящие бездны информации, посылок, выводов, гипотез. «Смерть есть трансцендетальный удар в онтологическую расщелину мира», «жизнь есть извлеченный квадратный корень из смерти, в котором уровень извлекаемого равен вечности» – что это? Философия? Поэзия? Мистика? Думается – и то, и другое, и многое еще сверх того. Превосходное владение словом позволяет В. В. Вараве сохранять внешнюю строгость, академизм изложения и вместе с тем обнажает мощный поток страстной мысли, многообразные причудливые течения, целый водопад ярких характеристик и оценок! Читать такое – одно наслаждение, подражать этому – почти невозможно.

Много раз на страницах монографии автор подводит нас к своей главной методологической установке: философия есть процесс, а не результат; длящееся становление, а не форма, поиск, а не претензия на абсолютную истину. Человек начинает философствовать тогда и только тогда, по мнению В. В. Варавы, когда он всерьез захвачен предельными вопросами *своего* бытия или бытия, присвоенного себе. Овладение соответствующими категориями, умение формулировать проблемы и решать их – это, исходя из логики автора, лишь следствие, но не предпосылка философского опыта. В. В. Варава убеждает нас и настаивает: философия в России укоренена в глубинных пластах национального самосознания, русскому человеку изначально (априорно) присуща способность вновь и вновь задавать себе «проклятые» вопросы и не утешаться внешне и кем-то данными ответами. Автор по сути прав, и сам факт опубликования его труда за рубежом говорит о многом. Пожелаем же Владимиру Владимировичу дальнейших творческих успехов в развитии русской нравственной метафизики, в продолжении славной традиции отечественного любомудрия!

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

*E-mail: yurist84@inbox.ru
Тел.: 8-904-212-72-98*

Voronezh State University

Belyaev M. A., Candidate of Philosophy, Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

*E-mail: yurist84@inbox.ru
Tel.: 8-904-212-72-98*